

НИКОЛАЙ ГЕОРГИЧ

ВКУСНО С "ОЛЕЙНОЙ"

*или девушка из дома,
то на окраине села.*

Николай Георгиевич

**Вкусно с Олейной, или Девушка
из дома, что на окраине села**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Георгич Н.

Вкусно с Олейной, или Девушка из дома, что на окраине села /
Н. Георгич — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715376-1

У любого человека жизнь меняется, окрашивается новыми красками, когда он вступает во взрослую жизнь. Самое сложное в жизни и, наверное, непостижимое, это знать все ответы на все волнующие тебя вопросы. Но еще сложнее, когда тебя посвящают в тайну, которая кроется в твоей собственной семье. Виктор, отец Аллы, поведал ей такую тайну, которая резко изменила ее жизнь. Дом на окраине села, в котором жила замкнутая и загадочная семья, с членами которой никто в селе не общался, слыл воистину таинственным и страшным. Алла была единственной его обительницей этого странного дома, который никак с нею не ассоциировался. Ей предстояло теперь многое сделать, чтобы повернуть все вспять и попытаться выжить в этой истории, которая обернется в настоящий триллер. А главное, сохранить своих близких дорогих своему сердцу людей.

ISBN 978-0-88-715376-1

© Георгич Н.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	5
1. Ученица	5
2. В оцепенении	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Николай Георгиц ВКУСНО С ОЛЕЙНОЙ, ИЛИ ДЕВУШКА ИЗ ДОМА, ЧТО НА ОКРАИНЕ СЕЛА

Часть первая УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ

1. Ученица

– Сегодня настал тот день, когда ты должна научиться всему, чему смогу я тебя научить. Даже большему... и я не знаю, от кого из нас больше будет зависеть этот процесс. – Мужчина пятидесяти лет с большой щетиной кисло улыбнулся своей взрослой дочери. Его звали Виктор. – Я хотел, чтобы этот день настал позже, когда тебе исполнится восемнадцать, но боюсь... – он сжал плечи и пристальнее взгляделся в дорогу.

Его большие поистине мужские руки крепко и уверенно держали руль двадцать первой «волги», но это были уже не те руки, что раньше, какими помнила их дочь. Загрубелые жилистые волосатые руки, казались ей всегда признаком силы. Она хорошо помнила раздетого его по пояс занятого работой в гараже, на огороде или как вместе чинили крышу на сарае. Он гордился собой, особенно своим торсом. Всегда напевал что-то, мыча себе под нос, и моргал ей мол, *все классно!* Но теперь он был уже не тем сильным и уверенным в себе человеком. Не стало в нем той очаровательности, он совсем поник, и казалось, сдался. *Почему, что-то случилось?* Дочь смотрела на отца со стороны, вцепившегося руками в руль, прибавляя скорость, она пыталась угадать, что хочет рассказать ей отец. Он сейчас молчал, взгляд его был задумчив и далек, он не замечал пристального взгляда дочери. «Волга» черного цвета мчалась по бетонке, рассекая теплый апрельский воздух. Встречный ветер обдувал его местами поседевшие волосы и забирался под зеленую рубашку в желтые ромбики. Дочь не пугала большая скорость, она была рождена не бояться. Ее сейчас пугал отец. Все, что он надумал, весь этот разговор, эта поездка – было неспроста.

– Сначала ты должна многое выслушать, – внезапно заговорил он, не поворачиваясь к дочери. – Я расскажу тебе правду, которую ты должна знать, и о которой даже не догадываешься, прежде чем я стану тебя учить.

Дочь не отнимала от него своего пристального взгляда, изучая на нем каждую морщинку, подергивание скул, когда он с натяжкой произносил каждое слово. Его чисто-мужское лицо, да он сам всегда вселял в ней надежду для нее, он был олицетворением мужества и надежности. Она была за ним, как за каменной стеной. Даже в последние годы, когда он редко бывал дома, она ощущала его присутствие. Если что-то случалось, он тут же был рядом. Как он это делал, она не знала, и это было не важно, главное, что он был. И она чувствовала его сильную отцовскую любовь. У нее был меньший брат, к которому отец не относился так трепетно, как к ней. Она не знала почему. То, что брат Денис был наглым и вредным, не давало повода недолюбливать его. Была причина, совершенно другая. Денис был маменькиным сынком, и было очевидным, как разделились родители в любви к своим детям. Отец не любил и жену, хотя не

показывал этого, но дочь все замечала. Раньше она все ссылалась на приевшуюся однообразную семейную жизнь, как и у многих, да и мать была не из тех женщин, что могли разнообразить ее. Она была скучной домоседкой. Теперь, повзрослев, дочь ясно видела, что и изначально у отца к матери никаких чувств не было.

– Только ты не восприми это слишком трагично, – сказал отец и, наконец, посмотрел дочери в ее карие глаза. – Что? – Ее взгляд был по-прежнему прикован к отцу. Идентичный, сильный и пламенный взгляд, как когда-то у отца. Теперь его взгляд потускнел.

– Ты меня пугаешь, – ответила она, пытаясь улыбнуться. – Если ты хочешь мне действительно что-то серьезное рассказать, то мы могли бы поговорить об этом где-нибудь в спокойном месте, например, дома. Не обязательно ехать так быстро. И куда мы вообще едем?

– Это входит в план твоей учебы.

– Ты приучаешь меня к быстрой езде?

– Нет, – равнодушно ответил он, наконец, ослабив руки, левую руку высунул в окно. – Мы спешим, – заключил он.

– А-а! – протянула дочь и отвернулась на дорогу.

Ну, ну. Спешите! Весенняя распродажа, Три по цене одного, всем может не хватить!

– Я не шучу. Мы действительно спешим. – Он бросил на нее свой взгляд и вдруг сказал: – а, знаешь, ты никогда не ездила со мной далеко на машине. – Виктор неожиданно переменялся и даже попытался улыбнуться, *как раньше*, но улыбка не получилась. А глаза, казалось, сверкнули. Представляешь, как классно ехать куда-нибудь далеко под музыку да еще под кайфом! – и он тут же начал настраивать радио. – Вот...

*Обними меня сильнее на прощание
Не сдержала я свое обещание.*

Отец в такт закивал головой.

– Папа!?

– Что? Такое не нравится? Найдем что-то другое.

– Да нет же какая разница. Мы хотели поговорить.

Она поняла, что он решил разрядить обстановку, наверняка резко начал, потому что он задержался. Он и сам это заметил. Его тон, его растерянные движения, взгляд не такой, все это его выдало.

– Да ты права. – Он сбавил звук, и вдруг ведущая с «житомирской волны» объявила: *для тех, кто сейчас в пути звучит эта песня...* – ты смотри, как будто для нас. – Он посмотрел на дочь, и на его лице сейчас засияла маленькая, но искренняя улыбка. *Она не была поддельной.* Как у него это получалось, недоумевала дочь, смотря ему в лицо, хотя не первый раз видела, как он мог быстро перемениться.

– Что с тобой сегодня?

– У меня сегодня дивное настроение. Да и в молодости я любил послушать музыку. Бобины, виниловые пластинки и все такое, дискотеки...

– И ты действительно бывал под кайфом?

– Что?

Дочка смотрела отцу в глаза, слегка растянув губы.

– А что? По мне не скажешь? Разве это плохо? Под кайфом не всегда, значит, под наркотиками.

– Это как?

– Это, как в песне, – и Виктор без особых вокальных данных пропел, или скорее проговорил строчки из песни; *мы любили сделать вид, будто мы сошли с ума и целый день пускали*

пыль в глаза с одной лишь целью – дотянуть до ночи и тогда стащить трусы и воскликнуть ура!

– И такое было? – дочь улыбнулась.

– Ну, где-то там рядом.

– Для этого точно нужно было что-то курнуть, или напиться в хлам, – заключила она.

– Стимул, это тоже наркотик. Верно?

Она не ответила, подарив отцу задумчивый взгляд.

– А под настоящим кайфом? Под наркотой?

Виктор, молча, кивнул.

– Честно, – он улыбнулся в ответ, видя, что дочь все также изучающее смотрит – ну, и папаша у меня, думаешь ты. А такой с виду серьезный... – Он надвинул брови на глаза, кривя сам себя.

– Да, именно. Так и думаю, – подыграла ему дочь.

– Бывал, – сказал он через паузу, – лишь однажды, только для того, чтобы снять с себя... –

Он замолчал и к нему вернулся прежний облик.

– Что?

– Боль. – Он мельком глянул на дочь. На свою дочь, которую сильно любил и боялся за нее. Скоро ей восемнадцать, а он еще ничего не успел сделать. Ее звали Алла. Это была не его идея дать дочери такое имя, но он был не против, ему показалось, что это сильное имя. Так оно и стало. И Виктор верил в это сейчас. Дочь действительно была сильна духом. И сильной физически. Это она унаследовала у него и этим он гордился. Стройна собой с длинными красивыми ногами, на которые засматривались парни, от отца этого не скроешь и он по-отцовски ревновал. Ее густые черные волосы до пояса, как бурлящий дикий водопад были всегда ухожены, и он так любил прикоснуться к ним, когда обнимал дочь чтобы вдохнуть их запах. А улыбка просто завораживала. Она имела поистине экзотическую внешность, которая притягивала к себе, не было такого парня в школе, кто не мечтал о ней. Ее нежность, обаяние так гармонично переплетались с ее строгостью и серьезностью, что трудно было устоять перед ее очарованием. Но у многих не хватало решительности подойти к ней. Кроме этого, она еще и вкусно готовила, и это бесило многих девчонок. Ее красота сочеталась с дикой энергией. – Душевную боль, – добавил он.

– Что случилось папа?

– Тебе в этом году исполняется восемнадцать, и ты станешь совсем взрослой. Ты и сейчас уже настоящая невеста. Время летит... Еще совсем недавно ты была маленькая и делала маленькие пакости, еще недавно ты ходила в младшие классы и мы вместе учили с тобой уроки... А теперь ты выпускница.

– Я помню, как мне нравилось, когда ты мне рассказывал на ночь сказки, когда я была маленькой. Мне нравилось об оловянном солдатики. Грустная и трогательная.

Отец тянул с разговором, и Алла понимала, что он настраивается, значит, разговор будет серьезный.

– Ты должна мне пообещать, – сухо продолжил он, – этот разговор должен остаться только между нами. – Он посмотрел дочери в глаза. Над ними нависло облако тревоги.

Алла пообещала ему. Виктор снова замолчал. Он провел ладонью по лицу, будто смахивая усталость, и положил ей руку на колено. Алла взяла ее в свои ладони.

– Я жалею, что не успел многого сделать. Я всегда считал, что в этой жизни ничего от нас не зависит. Так и есть отчасти. Всегда, когда я хотел получить от жизни что-то хорошее, заветное я получал, но потом терял безвозвратно. Я жалею обо всем том хорошем, что у меня было, и теперь его нет, и эти потери зависели не только от меня.

– Нельзя себя за это винить, разве сейчас у тебя нет того, ради чего стоило бы жить? Ведь у тебя есть семья, дети, жена. Может, мы живем не лучше всех, но я рада этой жизни, я рада,

что у меня такой отец. Я не знаю, какая была бы другая жизнь, и не знаю, имела бы я такого отца, если бы мы жили богато. Я не знаю, какой бы была я.

– Спустя годы, я смирился со всем, и забыл об утраченном. Жизнь продолжается, но об одном я забыть не смог. Не смог забыть самую важную для меня утрату, потому, что ты напоминаешь мне о ней.

Алла вопросительно глянула на отца, поправив свои волосы, спавшие ей на глаза. Отец пустынным взглядом следил за дорогой.

– Виню за это я только себя. И за все свои грехи расплачиваться мне одному, и я не хочу, чтобы они коснулись моей семьи, а особенно тебя.

– Скажи мне честно; это из-за мамы? Я ведь уже не маленькая и вижу, что к ней у тебя никаких чувств нет. И раньше было также. Хотя ты ее никогда и не обижал, но и не любил.

– Да, – Виктор кивнул. – Но не совсем. Я мог бы бросить ее. Но не сделал этого.

– И почему же ты этого не сделал?

– Как я мог оставить тебя? Ты была и остаешься единственной частичкой в этой жизни, ради которой я живу. Сейчас, когда ты взрослая тебе будет легче разобраться в жизни, и для этого я хочу тебя подготовить и научить многому за очень короткое время.

– Ты ждал, когда я стану взрослой, и теперь решил уйти?

– Нет. Я буду с тобой, до последнего своего дыхания, – успокоительно сказал Виктор и сердечно глянул на дочь.

– Так почему за короткое время? Что за загадки папа? Скажи уже, наконец.

– Я болен, – сухо произнес он.

Алла мгновенно смотрела на отца.

– Все болеют, но потом вылечиваются. И с тобой все будет хорошо. Ты ведь должен меня замуж отдать. – Она попыталась выдать улыбку, но вышла лишь горькая ухмылка.

Алла знала, раз отец сказал, что болен, значит, болен серьезно и неизлечимо. Она не могла верить в его слова, но почувствовала, как на глаза накатываются слезы. Виктор резко нажал на тормоза. От внезапного торможения они подались вперед, подпрыгнув на сидении.

– Я не доживу до того дня, когда увижу тебя настоящей невестой, а так хотелось бы. – Голос его звучал шатко. Он сдерживал себя, чтобы не заговорить еще горестней. Он старался не смотреть дочери в глаза. – У меня рак.

Алла закусила себя за губу, широко раскрыв глаза. Слезы тоненькими каплями образовали ручейки на обеих щеках, а так хотелось их удержать, не показывая свою слабость. Она не сдержалась и бросилась отцу в объятия. Он бережно обнял ее, застыв на сидении. Алла тяжело всхлипывала, крепко сжав своими ладонями сильные отцовские плечи, а он гладил ее по волосам, касаясь их кончиком носа, как раньше.

– Жизнь продолжается, – успокаивал он.

– Это не правда, – сквозь слезы звучал ее голос. – Ты не болен.

Виктор отклонил ее от себя, глянув душевно в ее заплаканные глаза.

– Это не правда, – повторила она.

– Нам надо ехать. – Он смахнул с ее щеки новую сбежавшую слезу и взялся за руль.

– Скажи, что это не правда!

Виктор молчал, держа руку на коробке передач. Мотор «волги» тихонько клекотал, дожидаясь команды.

– Это не самое страшное, – вдруг сказал он с холодностью и тронулся с места. – Ты поплачь дочка, поплачь. Ты должна выплакаться и больше не плакать. Я не знаю, насколько меня хватит, поэтому оставшиеся дни я не хочу видеть тебя со слезами. Все время пока я буду с тобой я не должен давать тебе повода для слез. Это будет мешать нашей учебе. Помнишь как в младших классах? У тебя что-то не получалось и ты в слезы, а потом совсем ничего не получалось. Но потом, когда ты успокоишься и сама возьмешься за дело, то бывало, сидела

до глубокой ночи пока не осилишь задачку. Я тебя не трогал и не мешал. Я знал, что ты справишься. Этим ты мне и нравилась за свою напористость. У тебя и теперь все получится. Я знаю. Я мог тебе не рассказывать о болезни, но ты должна знать все. А это далеко не все. Это еще только начало. Ты должна научиться воспринимать все своей душой и сердцем, ведь это ждет всех нас когда-нибудь.

– Но тебе же еще жить и жить! И почему – ты?

– Я грешен.

– О чем ты говоришь? Есть люди, которым действительно нет места на этой земле. Но ты то?

– Я грешен не только перед богом, но и перед тобой. Для меня это самый наибольший грех.

– Как же ты можешь быть грешен передо мной, когда ты единственный человек, который любит меня больше всех, и я счастлива, что имею такого отца, единственную отраду и этого ты хочешь лишить меня. Как же я смогу быть счастливой, утратив тебя?

– Ты многого не знаешь обо мне.

– И пусть. Чтобы это ни было, ты делал правильно. Если человек делает что-то правильно, хоть преступая при этом закон, в этом и заключается его истинный характер. Так ты меня учил. А у нас закон один – кто богаче, тот и прав. Разве это правильно? И так многие пользуются этим и они не грешники?

– Все так, но не в моем случае. Ты возненавидишь меня, когда узнаешь все. Но перед этим, я хочу, чтобы ты мне пообещала. Как бы ты не восприняла всю правду, ты должна довериться мне и научиться многим урокам, которым я тебя научу. Это нужно будет для тебя, как для главной защитницы семьи. На Дениса надежд я не возлагаю. Не потому, что я люблю тебя больше, потому что ты умнее, ты сильнее, и ты думаешь, как я. А это самое главное.

– Какой бы правда не была, ты будешь для меня таким же любимым и родным.

Виктор посмотрел на дочь, на ее застывшие на щеках слезы. Нажал на гашетку, и «волга», задржав передок, понеслась с еще большей скоростью. Под ногами почувствовалась сила.

– Все случилось в восемьдесят пятом году, когда тебе был всего годик. Всего год моей счастливой и несчастной жизни. – Он отчаянно улыбнулся, припоминая те времена. – Я даже сейчас помню тебя маленькой. Прямо стоишь у меня перед глазами в сиреновом комбинезончике и неуклюже перебираешь ножками, расставив руки, а я со своими распростертыми иду к тебе навстречу.

– Почему только год, что случилось потом?

– Я потерял веру в людей, веру в жизнь оставалась в моей душе только надежда.

Алла прижалась к двери и устремила взор к небу. В вышине парил воздушный змей.

– Да – а, – протянул отец, тоже увидев змея. – Кому-то сегодня лучше, чем нам.

Алла посмотрела на отца ясно и пронизательно. Глаза все еще были красными от недавних слез.

– Что было потом?

– А что потом... – он вздохнул и на той же ноте продолжил. – Я долго гулял, считал себя красавцем. Девчонки липли ко мне, и я был к ним равнодушен. Не мог удержаться при виде красоты. Но моя воля не распоряжалась мной, я весь зависел от своей семьи. Нет не от родительской, от нашей общей. Я не мог жениться на девушке, которую бы выбрал сам. Мог только выбрать из нашей семьи, но не на стороне. Была тогда в нашей семье одна девушка. Ее звали Катя по прозвищу Дикая. Все так и называли ее Катька Дикая. Вот она то и бегала за мной. Родители мои поставили передо мной выбор – или я нахожу себе девушку, а нет, женят на Катьке Дикой. Я разгулялся не на шутку. В семье у меня был неплохой авторитет, и мой отец не раз просил остепениться и поумнеть. В будущем я мог занять место главы семьи, проорочил он мне. Катька, конечно, была жгучая красавица кровь с молоком. Ее формы набрали

тон возбуждающей высоты, и красота ее достигла пика совершенства. Она была скороспелкой. Быстро созрела и стала постепенно набирать на себя килограммы. Удержать скороспелую красоту оказалось ей не под силу. Но меня не это смущало, ее формы ее не портили, в свои девичьи годы она стала красивой зрелой женщиной аппетитных форм. Конечно, для меня девушка должна быть девушкой, но все же Катку портил ее несносный характер. Она мне была сродни, какой-то черноротой бабой. Ох, как она бесилась, когда видела меня с другой.

Виктор замолчал, растянув губы в задумчивом сожалении. Алла его таким никогда не видела.

– Прошло два года, может быть, три точно не помню, Катерина вышла замуж, оставив меня, наконец, в покое, поняв, что со мной ей ничего не светит. Какая-то временная свобода наступила вновь для меня. С родных уже никто не тыкал пальцем и не упрекал в женитьбе. Как-то, правда, брат отца сожалеющее сказал: *ох, какую ты бабу потерял*. И снова под флагом свободы я начал разгуливать. В то время, когда Катка бегала за мной, был период, когда я остепенился и призадумался о женитьбе, представляя себя семейным человеком, но потом все снова закувыркалось. Мать с отцом забили тревогу. Они во что бы то ни стало, хотели меня женить, чтоб я не пропал. Но в один день мать забежала в дом встревоженная, напуганная, а за ней папин брат. Он сказал с порога, что забрали отца. Мать не могла вымолвить и слова. Она присела под стену и тихонько причитала. Я понял, что жизни у нас здесь не будет. Отца приговорили к смертной казни, и уже через несколько дней после приговора мы покинули Ужгород.

– Ты никогда не рассказывал, что раньше жил там.

– Да дочка, не рассказывал. Пришлось вот только сейчас. Там я провел свою бурную молодость. Я уезжал со слезами на глазах. Мне нравилось то место, где мы жили. У нас был свой небольшой дом в старом городе. Хороший дом. Может быть, ты когда-нибудь побываешь там.

Алла растянула губы, пытаясь улыбнуться. У нее все нутро горело от всего услышанного от отца, и она знала, что это еще не все. Все самое страшное еще впереди.

– С запада мы поехали на север. Брат отца поехал с нами, чтобы помочь нам устроиться. Мне тогда было двадцать восемь лет. Но и на новом месте нас преследовала эта душевная ноша, и куда бы мы ни поехали, она повсюду была бы с нами. Я это знал. Мы срослись с этой ношей. Иногда приходили такие моменты, когда хотелось остановиться, особенно, когда я осознавал, что делал. Но досадней всего становилось за то, что я не мог этого сделать. Я не мог остановиться, потому что это мой способ жить. Наш способ жить, существовать. Поэтому мы поселились здесь, в сельской тиши.

Виктор тяжело выдохнул и погладил рукой у себя под правым подреберьем, стараясь не выдать на лице боль.

– С тобой все в порядке?

Виктор, молча, кивнул.

– Это печень дочка. Печень... – Как ему не хотелось покидать этот мир именно сейчас, когда его дочь на глазах превращалась в настоящую красавицу, и именно сейчас ей нужна была его поддержка. – Главное Алла, оставайся сама собой до самого конца, даже в самые трудные минуты. Это и будет твоим собственным я. Твоя интуиция укажет тебе место, где ты сможешь обрести покой, а душа с сердцем укажут человека, на которого сможешь положиться. Иногда обстоятельства смешивают твои чувства, и ты не знаешь, как правильно поступить, погружаясь в эмоции, их просто не слышишь. Не допусти этого. Однажды я приобрел все. У меня были деньги, машина, любимая женщина. Меня захлестнула волна самоуверенности, и она меня же погубила. Я расслабился, посчитав себя баловнем судьбы. Я наслаждался, я упивался в огненных страстях любви. Рядом была всегда она – любимая женщина. Особенно я был счастлив, когда она родила тебя.

– Ты о ком папа?

– О твоей матери. О твоей настоящей матери. – Он достал с бардачка небольшой коричневый блокнот, зашарпанный временем и протянул дочери. – Открой, – сказал он.

Алла бережно открыла блокнот. С внутренней стороны обложки была вставлена фотография молодой девушки. Ее темные волосы спадали на плечи, а карие глаза были так похожи своими раскосами на глаза Аллы. Дочь резко глянула на отца.

– Это твоя мать, – не глядя на дочь, сказал он.

– Где она сейчас?

Отец отрицательно покачал головой.

– Ты не знаешь?

– Ее нет.

Его лицо побагровело и, казалось, задрожали губы. Но взгляд оставался прежним, четким. Перед дочерью он не хотел пускать слезу.

– Ее больше нет, – сухо ответил он, сглотнув комок слюны.

– Что с ней случилось?

– Я бы никогда тебе об этом не рассказал, если бы не болезнь.

– Мы же с тобой об этом договорились.

Алла знала, что он расскажет все, потому что он готовился к этому. Ему не только нужно было рассказать, но и хотелось, чтобы кто-то выслушал все то, что он так долго держал у себя внутри.

– Да, я знаю. Я хочу уйти с этого мира, пока явись перед тобой. Ты меня выслушаешь и осудишь. Мне очень важно, как ты это воспримешь, но и какими бы не были твои выводы, я почувствую себя облегченным и раскаявшимся. Мне уже легче, когда ты, наконец, познакомилась со своей настоящей матерью, хоть и таким способом.

Алла вернула свой взгляд на фотографию. Сердце вдруг так сильно сжалось от душевной боли, что снова захотелось заплакать.

– Я познакомился с ней, когда мне было двадцать девять лет. Она приезжала в деревню к бабе с дедом. За год жизни в деревне, я знал почти всю местную молодежь, все основные места их сборищ. Тогда клуб был переполнен молодежью. Приходили и с соседних деревень, и приезжих было много на выходные, а особенно в летние каникулы. Ее я заметил в клубе, как то неожиданно для себя. И что-то в душе заиграло такое необъяснимое, что я тут же решил подойти к ней. Начался медленный танец, середина зала опустела. Она стояла напротив меня по другую сторону, и мы оба встретились взглядами. Я сразу влюбился в нее. Она была необычной, выделялась среди всех в зале. Я пригласил ее на танец. Затем провел ее домой к деду с бабой. Мне не хотелось ее отпускать, так ее губы меня влекли к ней, что я почти ничего не говорил, только смотрел за их шевелением, когда она говорила, когда улыбалась. Все-таки мы разошлись без поцелуев. Это был первый день нашего знакомства. Она была моложе меня на одиннадцать лет, и звали ее Лена, – добавил через паузу Виктор.

Алла не отнимала взгляда от отца. Ее захватил этот рассказ. Виктор заметил, как дочь с вожделением слушает.

– Я боялся втягивать ее в свою жизнь, но и боялся потерять. Не прошло и дня, как я почувствовал, что не могу без нее. Неделя казалась мне годом. Я не мог дожидаться следующих выходных. Отступить от нее при этом сохранить свое мужское я в семье и дать понять самому себе, какая у меня сила воли это было бы глупо. Чувствуя все свои мужские и природные желание к женщине и не раскрыть их – это посмеяться над самим собой. Это было бы верхом самолюбия. Другое дело, завоевать ее, завлечь, заманить к себе и удержать у себя всеми своими чувствами, своей мужской природой, вовлечь ее в свою жизнь, дать ей все самое важное и сохранить при этом свой статус в семье, статус в жизни, вот это было похвалой. Так я и решил. Я был рад, что пришел к такому решению. Не испугался трудностей, которые я знал, будут. Не

испугался, что меня могут отвергнуть, я зажил теми хлопотами, без которых жизнь не имела бы смысла. Я зажил заново, у меня появился еще больший интерес к жизни. У меня выросли крылья. Твоя мама была именно той женщиной, ради которой я был готов на все. Она создала во мне стимул к жизни.

Отец посмотрел на Аллу. По лицу пробежала тень улыбки. Дочь не удержалась и покорилась этому секундному отцовскому обаянию и улыбнулась вслед.

– Вот на этой самой машине я ездил с твоей матерью. Тогда она у меня уже была. Купил за свои кровные деньги. Только тогда она была синего цвета.

– Почему же перекрасил в черный?

– Когда твоей матери не стало, вся жизнь для меня превратилась в черное пятно. Я перекрасил и машину, и свою душу.

Виктор замолчал. Алла легонько коснулась рукой его плеча.

– Раньше со мной такого не было, – сказал он.

– Тебе не было кому рассказать об этом.

Ты права, – он погладил ее по руке.

– Это ведь не самое страшное в жизни?

– Не знаю. Но от этого очень больно, и рана сидит так глубоко, что ее не залечить.

Алла свободно откинулась на спинку сиденья, раскинув в стороны руки.

– Значит, мама сидела рядом с тобой вот на этом сидении?

– Да, – кивнул Виктор. – На этом сидении-диване. – И снова эта его улыбка. – Ты сейчас напоминаешь ее мне. Ты очень похожа на мать.

Алла положила блокнот на панель машины и повернулась к отцу.

– Что было потом?

– Потом были свидания. Она жила в городе. Нам было удобно встречаться в городском парке. Потом после прогулок мы уходили на квартиру, которую помогла купить мне мать. Мы встречались каждый день. Я приезжал на машине иногда только электричкой. Ей нравилось кататься. Как-то она даже попробовала сесть за руль. Но так и не успела осилить эту науку. Это были самые лучшие дни. Моя мать переживала за меня. Боялась, чтобы не вышло из этого чего дурного, боялась, чтобы я не навлек беды на семью. Я ее успокаивал, и просил, чтобы никому не говорила об этом, хотя и так знал, что она не скажет. Мать я заверил, что все будет хорошо. Я верил тоже в это, и особенно надеялся, когда она родит мне ребенка, то уже не сможет уйти. Мы любили друг друга очень сильно.

Однажды родители Лены захотели повидаться со мной, и познакомиться с моими родителями. Лена была радостной, веселой, сообщая мне об этом, а у меня на душе заскрежетало. Я знал, что это когда-то наступит, и был готов к этому, но не думал, что так забуюсь, когда этот день наступит. Я сказал обо всем матери. Она заволновалась. И, как тогда после ареста отца присела в уголке на стуле, склонив голову. Она хотела поначалу меня отговорить, хотела, чтобы я бросил ее, но потом дала мне напутствие и пожелала удачи.

Когда настал этот день, было воскресенье. Это было в январе. Было тихо морозно и солнечно. Погода радовала, прибавляла настроения. Машину подготовил я еще с вечера, вытер ее до блеска. Утром прогрел и поехал к ее родителям. У них тоже был свой дом большой, добротный. Железные ворота зеленого цвета с белыми ромбами и калитка в кирпичной арке, как сейчас помню. Я остановил машину у ворот и долго не решался выйти. Но Лена, увидев меня в окно, выбежала сияющая и радостная, накинув на плечи куртку под которой было всего лишь легкое платьице. Я тут же вышел с машины и обнял ее. Она прямо прилипла к моей груди. Я достал букет, и она потянула меня в дом. Снег рыпел под моими ногами, а она скользила по снегу в домашних тапочках впереди, не отпуская мою руку. Мы словно влетели в дом с улыбками на лицах, и первым, кого я увидел, был ее отец. Он стоял у стола с откупоренной бутылкой

водки в руках. Чарки были налиты и меня ждали, как хорошего гостя. Это был хороший знак. Меня это сразу успокоило. Потом появилась ее мать, и я понял, откуда у дочери такая красота.

В их роду был интересный семейный феномен. Всегда рождались только девочки и очень похожи на своих мам. И с каждым поколением все сильнее, современнее. Лена показала мне однажды семейный альбом. Она была настоящей современной копией своих бабушек. Также и тебя дочка, не отличишь от твоей бабушки и матери. Просто ты стоишь теперь выше их всех в семейной цепочке. Даст Бог и будет у тебя дочь, и она будет, как ты, будет продолжением тебя, но еще умнее, сильнее.

У Виктора незаметно задергался подбородок. Он снова затих и вступился в дорогу.

– Папа. Все еще может обернуться к лучшему.

– Ну, что ты дочка. Моя болезнь – просто несчастье, которое давно уже гналось за мной, и наконец, настигло меня. А у тебя все обязательно будет хорошо. – Он провел рукой по глазам. – Чтобы продолжить свою семейную традицию, ты должна выйти замуж и родить дочку. Как бы твоя жизнь не сложилась, и чего бы это тебе не стоило. Это твоя кровная семейная традиция, которую ты должна продолжить.

Алла была в смущении. Отец сейчас казался таким раскисшим и беспомощным.

– Потом мы сели за стол, выпили по рюмочке за знакомство, закусили и начались расспросы о том, о сем. Ее родители переживали за дочь. Меня они совершенно не знали, и видели впервые. Вопрос о замужестве в их семье стоял очень серьезно. Мне были понятны их переживания, они были совершенно обоснованы, я был намного старше их дочери. Они боялись, что я старый нагулявшийся гуляка влюбил в себя их наивную девочку, позабавлюсь ею, как и другими и брошу ее с ребенком на руках. Но я их заверил в серьезности своих намерений и даже пообещал беречь ее лучше собственных родителей. Твоя мать, услышав это, робко опустила глаза в тарелку и заковыряла вилкой. Она скромно загордилась собой и своим женихом.

Виктор посмотрел на дочь, пристально-следившей за ним и сказал:

– Я понимаю теперь твоего деда. Сейчас, когда ты стала взрослой, я стал переживать за тебя. Ты даже не можешь себе представить, как сильно я за тебя переживаю и боюсь. Особенно сейчас, когда в нашей свободной стране свободно разгуливает столько негодяев. – Виктор выдержал тяжелую паузу и добавил: – я не хочу потерять еще и тебя.

Минут пять они ехали молча. «Волга» уже так не гналась, как вначале. Виктор давно сбросил скорость. Руки его стали ватными, и пересохло во рту. Бетонка, по которой они мчались, казалась бесконечной. Алла понятия не имела, куда они едут. Но сейчас ей хотелось дослушать до конца страшную отцовскую тайну.

– О том, как прошла моя встреча, я рассказал своей матери, – продолжил рассказ Виктор. – И сообщил ей, что женюсь на этой девушке. Мать по-настоящему испугалась за меня. Но не стала отговаривать. И уже весной, когда снег растаял, и дорога немного подсохла, я поехал к главе нашей семьи – Грегору. Он так же, как и мы, уехал со своей семьей с Ужгорода и поселился в городе Коростень. Он не мог расстаться с воспоминаниями о том городе, и в память ему была река Уж. Поэтому он и выбрал этот город.

Мое появление было для него радостным. Он уважал моего отца и возлагал на меня большие надежды. Он достал коньяк в знак такой неожиданной встречи и позвал в свою комнату для гостей. Сначала мы говорили о прошлом, вспомнили о моем отце, затем я рассказал ему все. Грегор вздохнул, его взгляд переменялся. Я понял, что не все так просто. Я сказал Грегору, что она согласна вступить в нашу семью, но не сейчас. Ей нужно обжиться, привыкнуть, а потом я обещал привести ее на совет семьи. Я солгал ему, Лена ничего об этом не знала, я боялся ей сказать об этом, но был уверен, что через год смогу с ней поговорить. Грегор посмотрел на меня своим лукавым взглядом, но согласился с моим предложением. Он провел меня к машине и предупредительно похлопал меня по плечу. Мол, если что-то будет не так, сам знаешь, что будет с тобой и твоей семьей. Не с радостью на душе возвращался я домой.

Твою мать мне удалось уговорить свадьбы не делать. Ее родители снова засомневались во мне. Но я делал все, что было в моих силах, чтобы их дочь была счастлива, как я им и обещал. Так и было. Квартира же у нас была своя, хоть и однокомнатная, в ней было все, что нам нужно, я всегда с радостью принимал ее родителей, Лена была счастлива, по-настоящему счастлива. Мы вместе, как и раньше гуляли по парку. Я бережно гладил ее большой животик. А когда родилась ты, счастливы были все. Ее родители, наконец, приняли меня, как своего. Одной проблематичной вещью было только то, что раз в неделю приходилось отлучаться на семейную охоту. Но с этим я справлялся и приносил домой убитую утку или зайца, если повезет. Жена ничего не подозревала. Для нее это была обычная охота. Пугало другое; подходил срок сделки с Грегором. Заканчивался год нашей совместной жизни. Я не знал, что делать, не мог найти ни одного решения. Как-то приходила в голову мысль сбежать с ней, но ее я отбросил, ставив под смертельную угрозу ее родителей и свою мать. Я был в тупике. Но решение пришло само. Внезапно и неожиданно в один злосчастный день Грегор заглянул к нам в гости. У меня все внутри похолодело. Он выглядел важно седоволосый, высокий крепкий и серьезный. Ему было тогда пятьдесят шесть лет. Он совсем не походил на злобного авторитета, наоборот имел вид благородный и доброжелательный. Таким он показался и моей жене. Но я ведь его знал. Знал все его маски. Он важно прошелся по квартире, спросил, как дела, а затем вручил мне большой кулек, который все время держал в руках. А жена суежилась на кухне, накрывая стол.

Грегор был не глуп и не слеп. По моему поведению он прекрасно понял всю мою семейную обстановку. Он снова похлопал меня по плечу, как и тогда у себя дома и недоверчиво улыбнувшись, сказал: *ты знаешь, кто там*, и быстро покинул квартиру. Я оторопел. Картина была ясной. Жена, выйдя с кухни, застала меня застывшим в коридоре с пакетом в руках. Я не мог произнести ни слова. Она заглянула в пакет и с ужасом посмотрела на меня. В моей душе затаился страх и недоброе предчувствие, внутри похолодело.

Виктор снова замолчал. Аллу пугали такие его молчаливые паузы. Машина, наконец, свернула с бетонки на лесную дорогу и, переваливаясь по ухабам, покатила вглубь леса.

– Папа, меня пугает то, куда ты меня везешь. Или я думаю не о том?

– Нет, ты думаешь не о том. – Виктор покачал головой. – Не о том. Я знаю, о чем ты подумала, – его голос задрожал. – Я похоронил твою мать на кладбище, как полагается. Но далеко. Далеко...

Машина проехала сосновую посадку и въехала в старый смешанный лес.

– Я отвезу тебя к ней. Обязательно отвезу, но позже. – Его глаза накатились слезами. Он дотянулся к дочери и успокоительно потер ее по плечу.

– Как это случилось?

– В пакете, который принес Грегор, лежало два сердца и две правых ладони. По кольцам на пальцах твоя мать узнала своих родителей. Она попятилась от меня, затем забежала в комнату за тобой, схватила тебя на руки и побежала к двери. Но я ее остановил. Другого выхода я не видел. Я все сделал быстро. Слезы текли рекой, но остановиться я не мог. Хоть тебя я должен был спасти, иначе бы они и тебя убили.

У Виктора дрожал подбородок. Голос осип.

– Да, вот такой я зверь ужасный и зубастый.

– Ты не такой, – прошептала Алла, полными глазами слез.

– Тебя я отвез к матери, и попросил ее, чтобы она тебя спрятала у брата отца. А потом вечером я отвез твою мать на кладбище далеко отсюда и похоронил. Назад по пути я убил одного парня и привез его сердце Грегору в знак примирения. Тот парень был таким добродушным, открытым. Рассказал мне, что его отец тоже охотник, когда увидел на заднем сидении мое ружье. Молоденький он был, лет семнадцати, а может и меньше. Но меня это не волновало. Мне нужен был этот мир тогда, для того, чтобы я мог не бояться за тебя и подготовиться против них. У меня уже созрел коварный план мести. Грегор, покрутив в руках окровавленное

сердце, заглянул мне в глаза и, ухмыльнувшись также недоверчиво, как и в начале, протянул мне свою запачканную в кровь руку. *Мы свободные люди*, – сказал лишь он.

Но отношения ко мне в семье изначальными не стали. Но для меня было главным, чтобы меня оставили в покое. Но Грегор отплатил за это смертью моей матери. Он нарочно злил меня. Не знаю, как я вытерпел. Удерживала меня только ты. Брат бережно хранил тебя у себя. Вскоре Грегора не стало... – Виктор запнулся, но продолжил уверенней; – его место занял его сын. Сейчас они все против нас.

Алла вытирала слезы, глядя вперед на дорогу.

– В блокноте ты найдешь адреса всех членов семьи. В нем есть все. Возьми его, он теперь твой. В нем все, что тебе будет нужно, все, о чем я не успею тебе рассказать. Ты должна научиться всему, чему я тебя стану учить, и должна выжить ради себя самой, ради своей матери, назло своим врагам. Ты должна это сделать, чтобы быть выше их. А дальше ты знаешь, что делать.

Впереди у дороги показался небольшой деревянный вагончик, стоявший на железных полозьях, какой обычно бывает у вальщиков леса. В стороне были видны результаты их работы – валенные деревья и стопы сложенной деловой древесины. Виктор притормозил у вагончика.

– Приехали, – сказал он и заглушил мотор.

Алла вопросительно глянула на отца.

– Зачем мы здесь?

– Долгое время я жил с клеймом на душе, и только сейчас я рассказываю об этом своей взрослой дочери. Меня мучил страх, только перед тобой. Я боялся тебя потерять. Много в этой жизни переменяло время, которое сейчас настало. Большинство людей, которые жаждали потрогать руками большие деньги, и многие из которых достигли этого, нет, – покачал он головой, – они не стали богаче, они просто имеют деньги. Да, деньги значат многое, они решают все проблемы. Но заведи у этих людей деньги, они снова станут прежними. У них нет богатства, которое присуще другим людям, у них нет внутреннего богатства. У них нет того, что есть у тебя. Ты скажешь; попробуй, заведи у них эти деньги; запросто. И ты это сделаешь и заведешь, если тебе будет нужно. Только зачем? Пусть себе живут. В этой нашей анархистической демократии нам свободно делать то, что мы делаем. Это идеальное время, чтобы поохотиться. – Виктор отрешенно улыбнулся.

С вагончика в это время раздался приглушенный голос. Дочь не убирала взгляда с отца.

– Ладно, хорош этих разговоров. Пора браться за дело. – Виктор собрался в себе и серьезно глянул на дочь. – Это твое первое испытание. Открой бардачок.

Алла открыла. В нем лежал нож с большим длинным клинком, заостренным по обе стороны, а на деревянной рукоятке были высечены две буквы, Л и В. Алла почувствовала напряжение по всему телу, в душе перехватило дыхание, как перед первым важным школьным экзаменом. Она осторожно достала нож, глядя на его безупречный вид. В нем чувствовалась энергия. Виктор вожаделенно глянул на нож, затем перевел взгляд на дочь.

– Теперь он тоже твой. Почувствуй его в своих руках. Сожми его сильнее.

Алла сжала его в своей ладони и подняла на уровне глаз. Лезвие сверкало своим острием, нож внушал ей силу и веру в себя. Она почувствовала вдруг себя сильнее, смелее, не веря в себя, что это происходит с ней. Нож притягивал к себе, как магнит.

– Л и В, – четко прочитала она. – Это ваши с мамой имена.

Виктор кивнул.

– Ты готова?

– Если это нужно...

Отец снова кивнул и вышел с машины.

– Помогите! – донеслось с вагончика.

Виктор подошел к двери, заложенной деревянным брусом, и снял его с железных крюков. За дверью затихло. Голос, который кричал теперь, что-то тихо бормотал про себя. Алла стояла за спиной отца. Ее тело дрожало незаметной дрожью. Виктор распахнул дверь, и Алла увидела толстую неопрятную женщину лет сорок, сидящей на полу со связанными руками и ногами. Ее взгляд был напуган.

– Боже мой! Боже! – причитала женщина. Ее взгляд забегал, то на Виктора, то на Аллу.

– Дай мне нож, – сказал Виктор, протягивая к дочери руку.

Женщина снова запричитала и забилась в угол.

– Кто это?

Ничего не ответив, Виктор вошел в вагончик.

– Что вам надо? – простонала женщина сквозь слезы. – Не надо, пожалуйста!

Женщина сжалась, закрыв глаза, и потупила голову, снова, запричитав. Виктор наклонился к ней и разрезал веревки. Затем отошел от нее, не отворачиваясь, отступая назад. Женщина открыла обезумевшие глаза, приподняв голову. На мгновение ей показалось, что весь ужас для нее уже закончился, и она попыталась приподняться, вытирая слезы.

– Теперь все остальное должна сделать ты, – сказал Виктор дочери, не поворачиваясь к ней. Он протянул ей нож.

Алла взяла нож и поднялась к отцу. Кулаки ее сжались. Тело затрепетало. Отец отступил в сторону, пропуская дочь, и остался стоять в пороге.

– Ты справишься с ней, – сказал он.

Алла сняла с себя джинсовый пиджак, бросив его на пол, представ перед женщиной в изумрудном платье в белые цветы, шагнула вперед.

Женщина забегала на их обоих глазами. Она четко поняла, что должно сейчас произойти. Она поднялась во весь рост, ее обуял страх и злость. Алла теперь хорошо ее разглядела. Невысокая с толстыми короткими руками, словно налитыми, шеи, будто не было, она как бы вдавилась в бесформенное тело, на котором выпиралась большая грудь, и на удивление худые маленькие ноги. Большая голова, из которой созерцали два безумных маленьких огонька, пристально следили за Аллой, ноздри вздымались, как у лошади после забега. Алла, еще крепче сжав нож, приблизилась к женщине.

– Ну, что сучка малолетняя! Ну, иди, давай! – Женщина сжала кулаки и выставила перед собой.

На ней была одета старая юбка, розовая блузка с выцветшим воротником, и поверх тонкая кофта на пуговицах. Она у нее была расстегнута, женщина тяжело дышала, вздымая свою полную грудь. Волосы были растрепаны и спадали на лицо. Под глазами на щеках грязные подтеки от слез. Аллу охватили неведомые страстные волны желания сделать то, что ей присуще в крови. Открыть свою охоту, почувствовать запах смертельной страсти от убийства своей добычи. В крови нарастал адреналин, становилось чудовищно азартно, глаза загорались огнем, перехватывало дух.

Алла приблизилась еще на шаг, держа перед собой нож. Женщина лепетала какие-то неразборчивые звуки, шевеля губами, смотря в глаза своей неминуемой смерти. А затем, не выдержав, бросилась со свирепым визгом на девушку. Алла увернулась в сторону и с размаху, что есть силы, засадила ей рукояткой ножа прямо в ухо. Но женщина не упала, лишь пошатнулась в сторону, и на последнем дыхании снова накинута на Аллу, сбивая ее с ног своим тучным телом. Обе они рухнули на пол. Началась настоящая драка. Виктор не вмешивался, он хладнокровно наблюдал, но был начеку. Женщина сидела сверху на Алле и на выбор била ее своими толстыми короткими руками. Но те не доставали до цели, до ненавистного ей лица. Алла блокировала все ее удары и выжидала, в ладони был зажат нож, но она еще не думала пускать его в ход.

– Ну, что сучка! – вопила та, сидя сверху. – Думала, справишься со мной, да! – У женщины был обезумевший взгляд. Со рта летела слюна. – Получай! – Она продолжала бить без устали, страх и ярость были ее одержимостью. Один из ударов достиг цели и разбил Алле губу. С нее выступила кровь. Алла выдала злостное постанывание, одарив женщину разъяренным взглядом, и как змея завертелась под ее увесистым телом, пытаясь высвободиться.

– Не выйдет! – заорала женщина, брызгая слюной. И тут же попыталась выхватить у Аллы нож, захватив ее обе руки. Но нож был словно в тисках. Алла яростно заорала, и с этими криками пустила в ход свои кулаки, выдернув с ее хватки свои руки.

– На тебе! На тебе! – стиснув зубы, теперь Алла стала бить женщину. Удары летели по печени и селезенке, вспоминая школьные уроки анатомии. Женщина схватилась руками за тело и сжалась от боли. Но Алла била ее еще и еще. На лице от ярости выступили скулы. Женщина покосилась на бок и застонала. Согнув тут же ноги в коленях, Алла спихнула ее с себя и, не поднимаясь, навалилась на женщину сверху, начав бить ее по лицу. – Теперь ты получай! – заорала Алла. И сильными размашистыми ударами опускала кулаки по голове. – На тебе! – повторяла она. Короткие руки женщины не успевали отражать атаки ударов. Она была уже не в состоянии этого делать. Слишком быстро она сдалась. От ударов лицо ее превратилось в кровавое месиво, но Алла продолжала колошматить. Кулаки были все в крови. Женщина застонала и начала плакать, все еще пытаясь закрыть лицо. Наконец, она притихла, опустив руки на пол. Алла, еще пару раз ударила ей по голове и остановилась, свесив обессиленные руки. Они у нее дрожали. Грудь полыхала, вздымаясь кверху, волосы хаотично спадали на лицо и из-под них блестели яростные глаза. В кулаке все еще было крепко сжат нож, Алла им так ни разу и не воспользовалась. Она сползла с женщины и, не поднимаясь, подсунулась к стене. Оперлась об нее спиной и, наконец, облегченно выдохнула, вытянув вперед ноги. И лишь после этого расслабила кулак, в котором был нож.

Виктор шагнул вперед, разводя руками. На лице было недовольство. Алла проследила за его жестом рук.

– Что ты делаешь?! Что это за драка?!

Грудь дочери все еще полыхала, она выдыхала свой гнев и жар, а глаза горели страстным и опасным огнем. Виктор приблизился к постанывающей женщине. Все ее лицо – было сплошной гематомой.

– Она не твой враг, – произнес Виктор уже не так резко, тыкая на женщину пальцем. – Она твоя добыча. Ты не должна видеть в ней своего врага. Это, как на охоте. Выжидаешь, момент и бьешь. Бьешь один раз и без промаху. Без гнева и злости, без эмоций и колебаний. Смело, четко, уверенно свободно и быстро. С ощущением того, словно ты добываешь себе еду, и чувствуешь ее запах, ее вкус на кончике своего языка. Так, как ее хозяин, режет дома свинью. – Медленным шагом Виктор стал обходить недвижимую жертву, которая тихо скулила и лепетала что-то непонятное. Он словно хищник высматривал ее плоть, хладнокровно наблюдая за ее мучениями. – Ее хозяин делает это красиво и быстро. И каждый раз одинаково. Просто всовывает ей в сердце жугало. И все! – Он взял дочь за руку, в которой был нож, и помог подняться. – Сделай это сейчас! – сказал он повелительно.

Алла высвободила руку и, преодолевая нерешительность, опустилась на колено, склонившись перед женщиной. Скулы заиграли на ее лице. Она замахнулась, издав протяжный звук с груди, но нож замер в воздухе. Женщина смотрела на нее одним уцелевшим глазом, в котором читалась мольба.

– Я не могу, – Рука Аллы задрожала. Деревянная рукоятка ножа стала влажной от пота. Она резко поднялась и отступила от женщины.

– Этого я боялся больше всего. У тебя течет материнская кровь. Но у тебя есть моя смелость и мой инстинкт. Тебе нужно его просто открыть. – Виктор взял с руки дочери нож и опустился к женщине. – Спасти и сохранить жизнь – значит, победить и покрыть себя славой.

Но, отнимая чужую жизнь, я сохраняю жизнь всей своей семье. – Виктор схватил рукой женщину за голову, прижимая ее к полу, и хладнокровно перерезал ей горло. Алла услышала лишь приглушенный предсмертный хрип женщины. Она отвернулась и не смотрела в этот момент. Не могла. – Вот как надо это делать. Это всего лишь работа, к которой надо привыкнуть. – Он вытер нож о кофту убитой и поднялся. Он посмотрел на дочь. У нее был страдальческий вид. Тело подрагивало.

- Ты привыкнешь к этому, научишься. Так всегда бывает в первый раз.
- Мне страшно, – промямлила Алла. К горлу подступил тошнотный комок.
- Это пройдет. – Он дотронулся до ее плеча.

*Дай своим чувствам свободу, ощути весь жизненный кайф,
И твои глаза отыщут то, что так долго искали
В душе твоей воцарится потерянный рай,
И на лице твоём, я больше не увижу печали.*

Эти строчки со стиха сейчас вспомнились Алле, пролетев в ее мозгу. Она услышала их впервые в девятом классе от одноклассника, который прочитал их ей лично. Он похвастал, что сочинил их сам специально для нее. Сейчас, вспоминая эти строчки, которые ей так легко запомнились, успокоительно на нее действовали.

– Иди к машине, – сказал Виктор. – Я закончу здесь. – Он снова потер ее за плечо, но в этот раз сильнее сжимая свою ладонь, будто давая ей напутствие.

Когда Алла вышла с вагончика, Виктор принялся за работу. Он расчленил тело, спустился к машине, взял большой полиэтиленовый мешок, и вернулся обратно в вагончик. Он не спешил, делал все спокойно, но дело двигалось быстро. Все было отточено до мелочей за долгие годы. Алла лишь наблюдала за его движениями. На душе было не спокойно, внутри все переворачивалось. Она скрестила руки на груди и сжалась, словно от холода.

Я не смогу перебороть в себе это.

Ей было страшно и стыдно. Она подвела отца. На нее он возлагал все надежды. Но это только начало. Вся наука еще впереди. Когда все было готово, Виктор позвал дочь.

– Помоги мне!

Алла увидела мешок полностью набитый и завязанный.

– Просто подсоби мне на плечо.

Это пройдет, так всегда бывает в первый раз, – проговорила Алла про себя. Собравшись, она пошла к отцу. Она помогла ему подать мешок, и он отнес его в багажник. Там накрыл покрывалом и достал канистру с бензином. Алла стояла позади него, сжав кулаки.

– Я боюсь за себя. Боюсь, что не смогу, – сказала она, глядя отцу в глаза – Она крепче сжала кулаки, пытаясь собрать в себе силы. Ее большие карие глаза с зеленоватым оттенком сейчас поблекли.

– Ты сможешь дочка. Сможешь, я знаю. Не бояться только дураки, вот почему я верю в тебя. Ты говоришь искренне обо всем, о чем думаешь. Ты говоришь, как есть, говоришь правду в глаза, и я знаю, так ты будешь делать всегда. В этом и есть твоя сила. – Он опустил канистру на землю и протянул к ней руки. – Иди ко мне. – Алла прильнула к отцовской груди. – Ты слишком сильно напрягаешь свои мысли. Не думай об этом так глубоко. – Виктор накинул на нее ее джинсовый пиджак и прижал дочь крепче, глядя ее растрепанные волосы. – Ты справишься. Я верю в тебя. Ну, все иди в машину, а я приберу. – Алла приподняла отрешенный взгляд на отца. – Иди же, иди. – Виктор отступил от нее, схватил канистру и направился к вагончику.

Алла уже сидела в машине, когда он вернулся. Все такая же непоколебимая, скрестив руки на груди. На колене была покрасневшая ссадина, но она ее не волновала.

– Все хорошо, – сказал он дочери, глянув на нее. Затем повернул ключ зажигания. У «волги» скрежетнул двигатель, и машина плавно тронулась с места. Отъехав метров двадцать, он притормозил, не глуша мотор. Он снова глянул на дочь. – Теперь ты будешь долго думать над этим. Если ты почувствуешь, что не сможешь, я тебя пойму. – Алла не ответила, глядя отцу в глаза. Виктор ей сердечно улыбнулся и вылез с машины.

Вернувшись к вагончику, он закурил, и медленно затягивая сигарету, стоял в минутном раздумии, созерцая на плод своей работы. Затем бросил недокуренную сигарету, вынул с кармана зажигалку и поднес ее на уровень глаз и нажал.

Шплац!

Огонь маленьким, ровным языком пламени вырвался с маленького сопла зажигалки.

– Огонь уничтожает все, – сказал он про себя, и бросил зажигалку к порогу дверей, облитому бензином. Огонь быстро и ярко вспыхнул. Виктор отшагнул назад.

Алла наблюдала за всем, через заднее стекло машины. Огонь быстро вступал в свою власть, охватывая тонкие дощечки вагончика. Очень скоро он загудел, словно от доставленного ему удовольствия вздымая все выше свои языки пламени. Дощечки затрещали, сдаваясь неумолимой силе. А уже через несколько минут языки пламени оказались внутри, и вылетали через крошечное решетчатое окно.

– Вот и все, – сказал отец, садясь за руль. Алла и не заметила, когда он вернулся. – Работа сделана. Теперь домой. – Он улыбнулся дочери, и покатила машину вперед. Алла улыбнулась ему в след такой же улыбкой, словно все хорошо, но на самом деле очень даже хреново.

Вагончик весь был поглощен в огне. Виктор оглянулся в последний раз, увидев, как под огнем скрывались последние доски вагончика, скрывались следы их страшной работы. Виктор прибавил газу, оставляя за машиной столб пыли. Они мчались домой.

2. В оцепенении

На следующее утро, после бессонной ночи, будоражащей ее сознание Алла, накинув на себя ветровку, пригладила рукой волосы, вышла из дому. Было пять утра. Мать не спала, и слышала, как дочь бахнула дверью. Она все прекрасно понимала, и знала, что значила дочь для отца. Знала, что у них есть свои тайны. Но ей они были ни к чему. Алла застегнула ветровку, под которой было тоненькое домашнее платьице, и зашагала к лесу. К нему было недалеко, она всегда там находила для себя спокойствие и ясность ума. *Ее собственное душевное убежище.* Всю ночь она думала о происшедшем, думала об отце. Ей нужно было снять с себя тревогу и оцепенение, в котором находилась сейчас ее душа. Домашняя обстановка ее угнетала. Ей нужна была воля, свобода для мыслей, простор. Весь этот неожиданный душевный груз нужно было сбросить. Подумать обо всем том, что рассказал ей отец.

Она шла быстро, чтобы согреться, чтобы не так чувствовался утренний холодный апрельский воздух, ласкающий ее оголенные ноги. Ей хотелось быстрее скрыться в лесу.

Чем дальше взрослеешь, тем глубже смотришь на жизнь, начинаешь придирается ко многим вещам, и это иногда бывает до такой степени невыносимо, что просто не хватает сил вытерпеть. Такая у меня душа. Но я переживу.

Сосновый лес простирался полосой далеко на запад. В нем было еще темно и тихо. Когда Алла вошла в него, сразу почувствовала тепло и уют. Позади нее остался большой луг и река, которую она перешла через заброшенную дамбу. Она направлялась в свое излюбленное место. Там она уже давно не была. Идти до него было далеко, но расстояние ее не пугало. Ей нравились длинные прогулки. Они успокоительно действовали на нее. Но больше всего она надеялась, что встретит там своего давнего друга...

Она легко ступала кроссовками по мягкому покрову леса, под ногами хрустели мелкие ветви и шуршали листья, и Алла удалялась все дальше вглубь. Она шла просечной дорогой, не меняя направления, четко зная куда. Каждая тропинка была ей знакома здесь. Каждая поляна, пригорок. С отцом они часто бывали здесь. Обычно он малоразговорчив, но тут он любил поговорить о зверях, о птицах. В силки он накладывал корм косякам, и видно было по нему, что это занятие было ему по душе. Но уже давно они не приезжали сюда.

Алла свернула на заросшую тропу и зашагала по склону меж старых сосен. Еще, будучи в младших классах, Алла не задавалась вопросом о каннибализме так остро, как сейчас он всплыл в ее сознании. Естественно, тогда она была не достаточно взрослой, хотя прекрасно понимала и осознавала, что происходило дома. Это было семейной тайной. И она точно знала, со слов отца, конечно, что это делалось ради сохранности их семьи. Это было традицией. Но теперь же, она знала точно, что это не было ритуалом, и делалось не из-за голодания и с психическими заболеваниями ее семьи, это связано тоже не было. *Это было традицией!* Свихнувшийся Грегор организовал свою секту «свободных людей», рассуждала Алла, со своей идеологией и традициями вот, что это было. *Вот мой дедушка и угораздил туда. Как он только мог? А отец, разве он не видел, где он? Моя мама открыла ему глаза...*

Впереди тропу преградила упавшая сосна, зависшая в кустах лещины. И упала она, судя по всему, недавно. Разлом у самого комля был совсем свежим. Верхушка отломилась от нее и лежала на земле. Сосна оказалась сухой. Алла вспомнила, что всего пару дней назад был сильный ветер, так что поваленных деревьев запросто могло быть больше. Она остановилась возле нее и погладила рукой ее голый сухой ствол. Почти вся кора слетела с нее. С минуту она разглядывала ее, погрузившись в раздумья, а затем отошла на пару метров и с одного прыжка оказалась сверху. Она выставила руки по сторонам, пытаясь удержать равновесие. А затем, повернувшись к верхушке, не опуская рук, зашагала вверх по дереву. Затем, развернувшись в том месте, где дерево утонуло в ветвях орешника, и спустилась обратно. *Проше про-*

стого. Однажды отец ей рассказывал, как в школе они спихивали друг друга с бума. Бум, – так называли деревянный брус, который держался на деревянных столбцах, вкопанных в землю. На высоте, где-то метра полтора от земли. Дополнительный брус, приставленный к нему, служил как бы лестницей на него. По таким подобным сооружениям кинологи собак дрессируют. Мало того, что на нем удержаться нужно было, но еще и выстоять против соперника, а еще лучше спихнуть его. *Я бы справилась,* гордо подумала Алла и улыбнулась. Она спрыгнула с дерева и зашагала дальше. Где-то впереди послышался рокот мотора. Лес постепенно просыпался. Алла отмахала уже добрую пару километров, а может и больше, когда почувствовала, что хочет есть. Внизу живота заурчало. Наверняка, было уже около семи часов. Обычно в это время они всем семейством завтракали, кроме Дениса. Он был любителем поспать до восьми, а то и до девяти. Алла только сглотнула, представив в уме горячий кофе. Проснулась малиновка, а за ней запела и свирель. Идти стало веселее.

Уже совсем посветлело, когда Алла уткнулась в заросли, но, не останавливаясь, она пробралась сквозь них, обдирая ветровку, и вышла на небольшую поляну. Впереди было болото. Обогнув его, она оказалась в густом лесу. Оглядевшись, она громко позвала:

– Кунак! – Эхом ее крик полетел вглубь леса. Она снова огляделась вокруг и прислушалась. – Кунак! – снова позвала она. Но ответом была тишина. На нее смотрели безмолвные деревья, легко пошатывая своими большими ветвями.

Алла прошла дальше вглубь. Она нашла то место, куда часто приходил Кунак. Здесь были видны его давние следы. *Может, охотники?* – вдруг промелькнула страшная мысль в голове. Кунак, – это был молодой красивый лось, которого Алла приручила еще позапрошлой зимой и дала ему такое имя. Здесь было их место. Она часто приходила сюда, принося какое-нибудь лакомство. Но последний раз она была здесь еще вначале прошлой зимы. В этом она себя мысленно упрекнула.

– Где же ты? Кунак! Наверное, ты уже забыл меня и покинул эти места.

В лесу заметно посветлело, и он ожил, проснулся ото сна. Алла касалась рукой деревьев, медленно идя вперед. На душе было по-прежнему скверно. Вчерашнее событие скребло душу. Надо было обязательно выходить из этого состояния и всерьез отдаться урокам отца. Вчера перед сном отец поведал ей еще одну причину, по которой он переживал за дочь. Алла была в недоумении. Ей нужно было набираться сил и мужества. И кому ей можно было поделиться со всем этим?

Вдруг, впереди зашелестели кусты. Алла остановилась и прислушалась.

– Кунак, это ты!?

Шум шагов нарастал по мере их приближения. И, вдруг кусты расступились, и впереди себя в шагах ста она увидела великолепного лося. Он остановился, закинул назад свою красивую голову и насторожился. Его взгляд блуждал по всему открытому пространству, как будто он проверял местность.

– Кунак! Значит ты не ушел. Хороший мой! Это же я. – Алла была обрадована неожиданным его появлением – Разве ты меня не узнал? – Она зашагала осторожно к нему, боясь напугать, и протянула к нему руку. – Кунак, – прошептала Алла, и лицо ее покрылось сетью симпатичных морщинок. Она приблизилась к лосю и коснулась рукой его шеи. – Слишком долго я не приходила, почти всю зиму. Ты прости меня. – Алла прижалась к нему, обхватив руками за шею, и стала поглаживать его гладкую шерсть. – Я ничего тебе не принесла, но ты побудь со мной. Мне сейчас так тяжело.

Лось издал внутренний тоскливый звук из глубины горла, казалось, он чувствовал и понимал ее душевную тоску. Он стоял гордо, почти не двигаясь, целиком отдавая себя в объятия Аллы.

– Ты единственный, кто может меня выслушать, хоть и ничего при этом не посоветовав.

Он был еще совсем молодым самцом, об этом свидетельствовал волосистый бугорок на месте рогов. Он и сам был беззащитный, и не мог похвастать грациозностью и благородностью, как его сородич олень, но вел себя он смело сейчас.

Алла молчала, крепче прижавшись до его шеи. Это так успокоительно действовало, что не хотелось отпускать свои объятия. На них со всех сторон смотрели молчаливые деревья, словно часовые на дозоре. Это безмолвное мгновение длилось минут пять, затем они оба услышали рокот, похожий на звук трактора. Это было в километре от них, может чуть больше. Кунак вздрогнул и поднял голову.

– Не бойся, – успокоила его Алла. Она повернула голову на шум и прислушалась. Кто бы это мог быть? Неужели уже восемь часов? Не могло так быстро пролететь время. Но кто же мог ездить кроме лесников с рабочими? Сегодня понедельник – рабочий день. Для них время неписанное. У нее в голове это прозвучало, как факт. Да и какая разница, кто это мог быть, лучше никому не видеть их вместе. Больше всего она опасалась охотников. Приручив этого красавца лося, она также может и навлечь беду на него. Всем тут заведует егерь и наверняка знает, сколько лесных братьев обитает у него в лесу. И он может быть с охотниками заодно. Эта мысль напугала ее. Она вдруг представила, что она смелая Герда. *Я тебя в обиду не дам. И если что случится, я помогу за тебя!*

– Ты не бойся, – успокаивала его снова Алла, поглаживая шею. Ей не хотелось его отпускать.

Но Кунак вслушивался и вздрагивал при каждом усиливавшемся звуке, который, то отдалялся, то снова появлялся и становился все отчетливее. – Тебе лучше уйти, – все же сказала Алла, вглядываясь в его умные и встревоженные глаза. Она снова крепко обняла его. – Я боюсь за тебя, – прошептала она.

Лось снова дернулся, всполошившись. Шум трактора снова утих, а затем резко появился, и показалось, словно он тут совсем рядом.

– Тебе надо бежать! – Алла выпустила его из своих объятий и добавила: – я приду к тебе снова. Будь осторожен и береги себя. А теперь беги!

Я тебя в обиду не дам.

Кунак словно понял ее слова и отступил назад. Ей показалось, что он смотрит на нее человеческим жалостливым взглядом.

– Беги же!

Алла отшагнула на несколько шагов назад, не отворачиваясь от него, а затем резко повернулась и быстро зашагала прочь. Потом она услышала шелест ветвей. Но она не оглянулась, поняв, что это уходил Кунак. Она зашагала еще быстрее. Вышла к реке, перешла через дамбу и зашагала таким же быстрым шагом по лугу. Вдали на холме возвышалась деревня. Пройдя еще немного, Алла пустилась в бег к дому. Всего несколько минут в объятиях своего любимца, но они были так важны, будто бесценны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.